

Инновации – это не про технику, а про деньги

«Все, кому приходилось зарабатывать деньги на инновациях, знают, что это тяжелое, нервное и не самое приятное дело. Нормальные люди у нас инновациями – не наукой, а именно инновациями – занимаются от безысходности».

Почему в России только от безысходности принимаются строить национальные инновационные системы, когда сейчас для этого самое время и какие для этого нужны институты? Обо всем этом Иосиф Дискин рассказал в интервью Центру социального проектирования «Платформа» в рамках проекта «Технологическая волна в России».

Ловушка среднего уровня развития

Мы имеем одну очень неприятную проблему. Она называется «ловушка среднего уровня развития». Как только страна подходит к порогу 20 тысяч долларов [по приоритету покупательской способности ВВП на душу населения], у нее начинаются крупные проблемы.

Первая – это проблема бюджета. Сектора экономики, которые раньше приводили к росту, теперь не приводят к росту, потому что они низкомаржинальны.

Вторая проблема – раскрученные ожидания активных групп населения. Они требуют наращивания дальнейшего благосостояния и социальных возможностей.

За 30 лет единственная страна, которой удалось вырваться из ловушки среднего уровня развития – Южная Корея. Это привет тем, кто говорит, что демократия является необходимым условием экономического роста.

Республика Корея вышла за счет чеболей с авторитарным режимом. А потом быстро пересадила тех, кто обеспечил ей высокий уровень развития, – руководителей, президентов и так далее по списку.

А теперь, бодро движется в сторону либеральной демократии.

Стимул инноваций – перепад маржинальности

В экономике необходимо повышение доли высокомаржинальных секторов. Пример – российский «Росатом», вполне высокомаржинальный сектор.

Поиск ренты теперь модное экономическое направление. Какие рентоориентированные сектора могут питать российскую экономику? Тут-то и является неприятность под названием «инновация».

За последние 100 лет пришло оригинальное понимание инноваций. Пришло не просто так, а когда Лундвалл [Lundvall, Bengt-Åke, род. 1941, исследователь и теоретик национальных инновационных систем, сотрудничал в университетах и исследовательских командах в Германии, США, Великобритании, Китае, Франции] исследовал развитие японской экономики, а Нельсон [Ричард Нельсон, род. 1930, американский экономист, доктор философии, преподавал в Йеле и Колумбийском университете] изучил кейсы инновационного развития.

Прояснилось, что инновации – это не про технику, а про деньги. Вот что нам нужно – радикальный пересмотр взглядов

на инновационную систему. Это способ заработка, выстраивания высокомаржинальных секторов экономики.

Поясню на примере, почему выстраивание национальной инновационной системы – только условие и рычаг для перехода к более маржинальной экономике. Но не сама эта экономика.

Показателем инновационности системы является число патентов. У нас в стране самый большой держатель патентов – Министерство обороны РФ. Оно деньги на этом заработало? Нет. Это убытки, а не заработок.

Глаза за венчурным веером

Мы долго раскручивали венчурный сектор нашей экономики. Мы создали гигантский (по прежнему масштабу) сектор венчурных проектов. Существует много подобных центров инноваций, например – РВК или «Сколково».

Куда идут эти проекты? Они же не для того, чтобы обмахиваться отчетами. К чему ведут нас эти начинания? Раньше мы имели дело с утечкой мозгов. Теперь с утекающим потоком самого рафинированного материала, а именно – с утечкой потенциальных доходов РФ в виде проработанных венчурных проектов.

Мы можем встроиться в технологические цепочки, в начало их или в серединку. Но доходы собираются в подставленные мешки на ее конце. Есть оценки, по которым масштаб потерь составляет более \$150 млрд в год. Это больше 10% нашего валового внутреннего продукта. Мы не можем считать это национальной инновационной системой. Что же делать?

А ведь Россия – одна из немногих стран, поставленных на твердый фундамент. У нас есть основание в виде фронтальных фундаментальных исследований. Но отсутствует система выявления инновационных проектов, которые могут быть реализованы на основе этих исследований.

Право без точного слова

Приведу «анонимный», но наглядный пример. Идет один из тех семинаров, на которых большие ученые докладывают результаты фундаментальных исследований, перед тем как отдать статью в высокоцитируемый журнал.

В зале тихо сидят магистры бизнес-школы. По окончании доклада, они хватают автора и бегут к патентному адвокату. Что они там делают? Пишут дисклоузер [disclosure, англ. «раскрытие» (информации), одна из сфер применения термина – патентное право, обращение с интеллектуальной собственностью].

У нас даже такого слова в интеллектуальном праве нет. Дисклоузер является залоговым документом для венчурных фондов, потому что в патентных фондах сидят эксперты в области интеллектуальной собственности.

Первый проектор Высшей школы экономики Лев Якобсон описал это какими словами: «На Западе эксперт – это тот, кто обладает уникальными профессиональными компетенциями, а у нас эксперт – это тот, кто обладает собственным мнением».

Сквозная экспертиза

Почему у нас банки вяло работают с инновациями, идеями? Потому что отсутствует хорошая технологическая экспертиза, которая оценила бы коммерческие перспективы.

Вот в кудринском ЦСР [Центре стратегических разработок] обсуждали включение больших технологических программ в «программу Кудрина». Было озвучено разумное сомнение: «Вы получите конкуренцию административного ресурса, а вовсе не конкуренцию технологических проектов». Экспертизы-то нет!

А если банки все же за это берутся и оценивают, ЦБ выдвигает гигантские требования по резервированию. Он этим оценкам не доверяет: «Ребята, вы нас убедите, что это все окупится, поскольку пока – это выглядит как способ опустошить бюджет».

Теперь давайте посмотрим, как это правильно делается. DARPA – это главный институт развития в США. Они дают гранты в размере 50% от стоимости проекта. Экспертиза составляет 13% от гранта.

Огромное количество профессоров из ведущих университетов США живут за участия в этих экспертизах. Представьте, грант в 300 млн долларов. То есть 39 миллионов – на экспертизу, она идет в 4 раунда, в каждом по 5-6 экспертов.

При этом университет, делегируя эксперта, страхует его гражданскую ответственность на случай экспертной ошибки. Право на ошибку имеет не только правовое обоснование, но и механизм страхования.

План А: без Б

Назову три пункта, без соблюдения которых все остальное можно даже не упоминать. Таким образом, это план основной, а не запасной. Это план А. Если он не выполняется, всё плачевно, плана Б уже не нужно.

Первое – корректировка системы интеллектуальной собственности.

Второе – создание правовой системы (кодифицировать раскрытие информации).

Третье – создание системы экспертизы.

Главное – раскрутить полноценную национальную инновационную систему. Она должна пронизывать всё – от идеи и до коммерческого результата.

Нужен практичный закон

Конечно, нужен закон о национальной инновационной системе. Но приведу цитату:

«У нас сам закон заклеен неискренностью. Не озадачиваясь определительностью правил и ясностью выражений, он прямо

и последовательно требует невозможного».

Это сказал реформатор Петр Валуев, соратник Александра II. Нам нужен другой закон. Его должны писать люди, которые сами заработали деньги и знают, как работает национальная инновационная система. Абсолютно инструментальный закон, как пишутся американские законы. В российском законе о банкротстве – 14 страниц. Закон о банкротстве США – 280 страниц мелким шрифтом.

А самое главное, нужно, чтобы институты были практичны. Институт должен решать осязаемую и осознаваемую проблему. Наша система управления утратила проблемный подход. Имеются априорно заданные цели и критерии. Откуда они взялись? Бог весть. Как члену Общественной Палаты, мне довелось экспертировать все бюджетные программы, идущие как приложения к бюджету РФ на 2018 год. Ни одна не отвечает базовым требованиям программно-целевого подхода. Ни одна.

Административный ресурс должен упасть в цене. А конкурентоспособность – наоборот, подняться в цене. Стать более значимым фактором дохода и рентабельности.

При правильном подходе у нас есть шанс вырваться из ловушки среднего уровня развития.

Ведомство инноваций или советник по инновациям?

Нужен ли в политической системе или в управленческой системе орган, грубо говоря, именующийся Министерство по инновациям? Координирующий всю работу в этой сфере? Нет, не нужен.

Я проиллюстрирую на конкретном материале. Такой эксперимент был поставлен. Премьер-министр Дмитрий Медведев в свое время повелел Министерству экономического развития подготовить план, который обеспечил бы темпы роста нашей экономики выше мировой. Кто-нибудь видел или слышал когда-нибудь этот план? Нет,

а почему?

Поскольку в Общественной палате за ряд вопросов я отвечаю, в соответствии с законом об общественном контроле мы запросили соответствующий департамент МЭР об их предложениях на эту тему. Но, кроме МЭР, есть ЦСР. А кроме ЦСР и МЭР, есть Столыпинский клуб. И у всех есть кураторы. И пока мы не ликвидируем, не побоюсь этого слова, феодальный ведомственный сепаратизм, любой новый орган будет иметь первой задачей наставить рога старому.

Компактные системы управления возможны, если мы практикуем проблемный подход. «Малоизвестный» политик Джон Фицджеральд Кеннеди в 1963 году, за два месяца до своей смерти, сказал: «А давайте выберем, какие технологические решения могут максимально продвинуть вперёд американскую экономику?». И выбрали, и выяснилось, что есть такое решение, не 100, а 1.

Это создание нового поколения лопаток для турбин, газопаровые турбины, новые самолеты, и так далее. Почему было найдено решение? Потому что при Кеннеди была нужная политическая институция. Помощник президента, компетентный в технологических вопросах. Сейчас мы сказали бы – эксперт, отвечающий за создание национальной инновационной системы.

Дело не просто в личностях. На этом месте нужен человек, который имеет еженедельный доступ к президенту, который и сам может привести совет по инновационным вопросам и вывести его решения на существо дела. А затем еще и проконтролировать.

Например, встретившись с руководителем госкорпорации, заметить: «Я пришлю комиссию, посмотреть, как у вас идёт дело с управлением инновациями. Выиграли тендер по управлению воздушным движением? Где? В Иране, Индии. Хорошо. А комиссию ждите».

Иосиф Дискин – сопредседатель Совета по национальной

стратегии, профессор кафедры инноваций и бизнеса в сфере информационных технологий НИУ ВШЭ, доктор экономических наук. Известен яркой позицией по спорным вопросам развития общества, гражданской и медийной активностью.

**Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции*

Источник: [«Актуальные комментарии»](#)